

Научная статья

УДК 343.9; 343.326

EDN DXIVYM

DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).81-89



МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРИЗНАКИ И ФОРМЫ

С.М. Кочои, Р.С. Кочои

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

10 января 2023 г.

Дата принятия в печать

21 февраля 2023 г.

Дата онлайн-размещения

13 марта 2023 г.

Ключевые слова

Терроризм; международный терроризм; признаки международного терроризма; признание организации террористической; виды терроризма; формы международного терроризма

Аннотация. В статье анализируются признаки международного терроризма. Обосновывается мнение о том, что международный («внешний») терроризм следует признавать самостоятельным, отдельным от внутригосударственного («внутреннего») терроризма правовым феноменом. Высказывается согласие с теми исследователями, которые считают международный терроризм одним из видов терроризма, однако при этом предлагается корректировать предложенные ими признаки международного терроризма. Если территориальный признак и признак гражданства виновного в целом сомнений не вызывают, то по признаку, раскрывающему особенности жертв международного терроризма, обосновывается позиция, согласно которой ими следует считать любую, отличную от той, к которой принадлежат члены международной террористической организации, группу населения: религиозную, расовую, этническую, национальную, языковую, политическую и т.д. Еще один признак, наличие которого обосновывается в работе, — это признание террористической организации со стороны национальных судебных (правоохранительных) органов в качестве международной. На этом основании вносится предложение об установлении в действующем законодательстве Российской Федерации порядка признания террористической организации как международной. Данное предложение учитывает тот факт, что ФСБ, которая ведет Единый федеральный список террористических организаций, в своей практической деятельности различает российские, иностранные и международные террористические организации.

Сформулирован вывод о том, что международный терроризм характеризуется признаками противоправности, территориальности, принадлежности виновного в терроризме и (или) жертвы к определенному гражданству, принадлежности жертвы терроризма к определенным группам населения, признания субъекта терроризма (террористической организации) в качестве международной.

Предлагается дополнить федеральный закон «О противодействии терроризму» нормой, раскрывающей понятие «международная террористическая организация».

Обосновывается тезис о том, что признание террористической организации в качестве международной (а также иностранной) следует относить к исключительному ведению Верховного Суда Российской Федерации.

При анализе форм международного терроризма аргументируется вывод о том, что наиболее опасными из них являются «исламистский» (религиозный) и «правый» (расистский, нацистский) терроризм.

Original article

INTERNATIONAL TERRORISM: ATTRIBUTES AND FORMS

Samvel M. Kochoi, Ron S. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2023 January 10

Accepted

2023 February 21

Available online

2023 March 13

Abstract. The authors analyze the features of international terrorism. It is proven that international («external») terrorism should be recognized as an independent legal phenomenon, separate from the domestic («internal») terrorism. The authors agree with those researchers who consider international terrorism to be one of the varieties of terrorism, but believe that the suggested attributes of international terrorism should be modified. While the territorial attribute and the attribute of citizenship of the culprit generally do not raise any objections, the authors argue in support of their position regarding the specific features of the victims of international terrorism, they

Keywords

Terrorism; international terrorism; attributes of international terrorism; recognition of a terrorist organization; types of terrorism; forms of international terrorism

state that such features could be anything as long as they define a group of people that is different from the group to which the members of an international terrorist organization belong: religious, racial, ethnic, national, linguistic, political features, etc. Another attribute supported in the article is the recognition of the terrorist organization as an international one by the national judicial (law enforcement) bodies. This allows the authors to suggest that the current legislation of the Russian Federation should include a procedure for recognizing a terrorist organization as an international one. This suggestion takes into consideration the fact that the FSB, which keeps a Unified Federal List of Terrorist Organizations, differentiates between Russian, foreign and international terrorist organizations in its practical work.

The authors conclude that international terrorism is characterized by such attributes as unlawfulness, territoriality, certain citizenship of the culprit and (or) the victim of terrorism, identification of the victim with certain groups of people, recognition of the subject of terrorism (terrorist organization) as an international one.

It is suggested that the Federal Law «On Counteracting Terrorism» should be supplemented by the norm that describes the concept of an «international terrorist organization».

It is proven that the recognition of a terrorist organization as an international one (or a foreign one) should be exclusively within the jurisdiction of the Supreme Court of the Russian Federation.

As for the analysis of the forms of international terrorism, it is argued that the most dangerous ones are «Islamist» (religious) and «right» (racist, Nazi) terrorism.

Введение

Несмотря на огромное количество публикаций в российской и зарубежной научной литературе, остается нерешенной проблема определения понятия «международный терроризм». Более того, если для одних специалистов его отсутствие представляется действительной проблемой, то для других — вовсе нет. Однако не только ученые, но и представители государств, состоящих в международных организациях, таких как ООН, не могут прийти к согласию по вопросу об общем его определении. В настоящей работе содержится анализ имеющихся точек зрения на признаки международного терроризма, предложения по корректировке некоторых из них и обоснование наличия других. Также вносится на обсуждение вопрос об установлении в национальном законодательстве специального порядка признания террористической организации в качестве международной.

Основное исследование*Признаки международного терроризма.*

Отсутствие в международно-правовых документах, содержащих запрет на акты терроризма, дефиниции международного терроризма [1, с. 10–17] компенсируется большим количеством научных трудов, авторы которых обсуждают и формулируют признаки, которыми должно быть наделено данное понятие [2–5].

Прежде всего в качестве такового называют *территориальный признак*, означающий, что акт терроризма (террористическое преступление) должен быть совершен на территории бо-

лее чем одного государства или наносить ущерб интересам более чем одного государства¹.

Следующий признак — *гражданство* — предполагает:

– что преступление должно быть совершено гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;

– террорист и жертвы терроризма являются гражданами одного (разных) государств, но преступление совершается за пределами этих государств.

Следует заметить, что указанные признаки назывались в утратившем силу в 2007 г. федеральном законе «О борьбе с терроризмом» при определении понятия «международная террористическая деятельность». Однако не только в нем. В ряде универсальных документов ООН международный характер терроризма раскрывается через те же самые два признака — территорию совершения преступления и государственную-правовую принадлежность (гражданство) его субъекта.

Помимо указанных двух признаков, в качестве признаков международного терроризма в литературе называют его *цели* («международно-правовые» [6]) и *объект* («международные отношения» [7, с. 26]).

¹ Противоречит этой аксиоме редакция введенной в 2016 г. ст. 361 УК РФ, которая признание акта терроризма в качестве международного связывает с его совершением «вне пределов территории» РФ. Помимо этого, акт терроризма предлагается считать международным даже в случае его направленности исключительно против интересов РФ.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе еще один признак связывают с *жертвами терроризма*. Например, по мнению А. Бергесена (A.J. Bergesen) и О. Лизардо (O. Lizardo), они должны принадлежать по крайней мере к двум странам или совершено против них преступление должно иметь языковой/национальный «контекст» [8], в то время как Ю.М. Антонян считает, что такая жертва — это лицо, пользующееся международной защитой [9, с. 27].

Наряду с этим в юридической литературе высказано сомнение в существовании самостоятельного феномена «международный терроризм». Так, Н.А. Чернядьева считает, что «все важнейшие признаки, установленные для терроризма в доктрине и международно-правовых документах, имеют место и в его международной версии» [10]. Однако это утверждение мы находим спорным, поскольку, как ранее было показано, у международного терроризма есть признаки, которые не являются обязательными для «внутреннего» терроризма. Автор критикуемого утверждения противоречит себе, когда заявляет, что «международный характер» терроризма «не является качеством, конструктивно влияющим на природу террористического деяния: [он] создает повышенную опасность и, соответственно, дает основания для более сурового наказания за совершение такого преступления, но не может расцениваться как повод для формирования нового вида преступного феномена» [там же]. Полагаем, что если деяние создает повышенную опасность и дает основания для более сурового наказания (по сравнению с «основным» деянием), то оно не может не переходить в иное качество, что, в свою очередь, не может не расцениваться как повод для формирования нового вида преступления (состава преступления).

По нашему мнению, международный («внешний») терроризм следует признать самостоятельным, отдельным от внутригосударственного («внутреннего») терроризма правовым феноменом. Здесь мы согласны с большинством исследователей, которые считают международный терроризм самостоятельным видом терроризма, но также считаем, что высказанные некоторыми из них признаки международного терроризма нуждаются в корректировке.

Если территориальный признак и признак гражданства (в том понимании, в каком они нами были названы) сомнений не вызывают, то по признаку, раскрывающему особенности жертв международного терроризма, как нам

представляется, необходимо уточнение. Как уже было сказано, по мнению А. Бергесена и О. Лизардо, жертвы международного терроризма должны быть гражданами как минимум двух государств или принадлежать к другой, нежели террористы, языковой или национальной группе [8]. Последний признак, на наш взгляд, сформулирован авторами необоснованно узко. В частности, в таком случае им не охватывается принадлежность жертв международного терроризма к иной религиозной группе (или, например, к группе атеистов). Примером, подтверждающим наш вывод, является деятельность исламистских террористических организаций в Ираке и Нигерии. Так, из всех совершенных в 2010-х гг. в Ираке сотен и тысяч терактов наиболее крупным оказался именно теракт против не исповедующей ислам религиозной (этнической) группы езидов: 14 августа 2007 г. в г. Синджар в результате взрыва двух бензовозов погибли более 500 (по другим оценкам — 800) езидов, свыше 300 чел. получили ранения различной степени тяжести [11]. В Нигерии объектом террористических атак «Боко Харам»² регулярно становятся исповедующие христианство группы населения (только за пять месяцев 2020 г. их жертвами стали более 600 представителей христианских общин страны)³. Таким образом, жертвами международного терроризма следует признавать любую, отличную от той, к которой принадлежат члены террористической организации, группу населения: религиозную, расовую, этническую, национальную, языковую, политическую и т.д.

Еще один признак, который, по нашему мнению, должен быть назван дополнительно при характеристике международного терроризма, — это признание его субъекта (террористической организации) со стороны судебных (правоохранительных) органов в качестве международной. Данное обстоятельство, по нашему мнению, требует внесения соответствующих из-

² «Боко харам» присягнула на верность ИГ еще в марте 2015 г. Тогда террористы провели «ребрендинг» и стали называться «Западноафриканской провинцией «Исламского государства» (Islamic State's West Africa Province — ISWAP) // «Собираются с новыми силами»: куда боевики ИГ ушли с Ближнего Востока. URL: <https://ria.ru/20201104/ig-v-afrike-1582694105.html>.

³ О казнях христиан нигерийскими террористами-исламистами см.: Восьмилетний мальчик из ИГ казнил нигерийца. URL: https://lenta.ru/news/2020/01/21/boy_executes; Боевики ИГ казнили 11 христиан в Рождество. URL: <https://lenta.ru/news/2019/12/27/kazn>.

менений в профильное антитеррористическое законодательство РФ. Это означает, что ст. 3 федерального закона «О противодействии терроризму» (далее — ФЗ о терроризме, ФЗ) должна быть дополнена пунктом, раскрывающим понятие «международная террористическая организация»⁴. Кроме того, ст. 24 указанного ФЗ следует дополнить частью, устанавливающей порядок признания террористической организации как международной. Ныне действующая редакция ст. 24 ФЗ, как мы полагаем, приемлема только для организации, сфера деятельности которой охватывается территорией России⁵. Например, нет никаких оснований для признания движения «Колумбайн» (другое используемое наименование — «Скулшутинг») международной террористической организацией, поскольку ни в одной другой стране, кроме России, такая организация не выявлена⁶. То же самое касается других, признанных террористическими, организаций, деятельность которых ограничивается территорией РФ или ее субъектов⁷:

- «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа»;
- «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»;
- «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»);
- «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация (АБТО)»;
- террористическое сообщество — структурное подразделение организации «Правый сектор» на территории Республики Крым;
- Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского»;
- «Чистопольский Джамаат»;

⁴ Правда, возможен вариант закрепления такого определения непосредственно в УК РФ, например в примечании к ст. 205 УК РФ. Напомним в этой связи, что именно УК РФ (ст. 205.4), а не ФЗ о терроризме, содержит определение понятия «террористическое сообщество».

⁵ Согласно ст. 24 ФЗ, организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность — запрещению) по решению суда на основании заявления генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора.

⁶ 2 февраля 2022 г. Верховный Суд Российской Федерации признал движение «Колумбайн» террористическим. См: Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим. URL: <https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html>.

⁷ По состоянию на 18 октября 2022 г. // Официальный сайт Федеральной службы безопасности. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

- террористическое сообщество «Сеть»;
- «Ахлю Сунна Валь Джамаа» («Красноярский джамаат»);
- National Socialism / White Power (NS/WP, NS/WP Crew, Sparrows Crew / White Power, Национал-социализм / Белая сила, власть);
- террористическое сообщество, созданное В.В. Мальцевым из числа участников Межрегионального общественного движения «Арт-подготовка»;
- религиозная группа «Джамаат «Красный пахарь»;
- «Хатлонский джамаат»;
- мусульманская религиозная группа п. Кушкуль, г. Оренбург;
- «Крымско-татарский добровольческий батальон имени Номана Челебиджихана»;
- украинский полк «Азов»;
- межрегиональное леворадикальное анархистское движение «Народная самооборона».

Предлагаемая нами дифференциация порядка (оснований) признания организации террористической имеет под собой также практическое обоснование. Напомним, что список организаций, который ведет Федеральная служба безопасности, именуется «Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими». Таким образом, ФСБ в своей практической деятельности четко и вполне обоснованно различает российские, иностранные и международные террористические организации.

Также следует обратить внимание на то, что ныне действующий порядок признания организации террористической позволяет выносить соответствующее решение суду любой инстанции — от районного суда до Верховного Суда РФ. Предлагаем признание террористической организации международной (а равно иностранной) относить к исключительному ведению Верховного Суда РФ. Это важно, поскольку для такого признания, на наш взгляд, необходимы специалисты и эксперты в соответствующих областях знаний, а также судьи и прокуроры, специально подготовленные к таким процессам, т.е. необходимы условия, которые отсутствуют в большинстве районных судов России. При этом необходимо заметить, что именно такие организации в последние годы проявляли наибольшую активность. Например, по данным ФСБ, в России за 2020 г. была пресечена деятельность

55 законспирированных ячеек международных террористических организаций⁸. Учитывая данное обстоятельство, мы можем предположить, что дополнение, в частности, состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205 УК РФ, особо квалифицирующим признаком «те же деяния, совершенные международной террористической организацией» стало бы своевременным решением законодателя.

Таким образом, международный терроризм характеризуется следующими признаками:

- противоправность (запрещенность актов терроризма нормами международного уголовного права);
- территориальность (место совершения акта терроризма);
- гражданство виновного в совершении акта терроризма;
- принадлежность жертвы терроризма к определенным группам населения;
- признание субъекта международного терроризма — террористической организации — в качестве международной.

Объект и цель (цели) международного терроризма, называемые другими авторами, на наш взгляд, вытекают из данных признаков, поэтому специально их выделять не видим практической необходимости.

К спорному вопросу о признаках международного терроризма примыкает вопрос о правильности его названия. Так, по мнению Н.А. Чернядьевой, термин «международный терроризм» может считаться «устоявшимся в международной политической практике, но с правовой точки зрения более корректным является понятие «террористическое преступление международного характера» [10, с. 72].

Ранее в своих работах, анализируя используемые в законодательстве России и соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ термины («преступления террористического характера», «преступления террористической направленности», «террористическая деятельность»), мы пришли к выводу, что наиболее точным следует считать использование другого, чаще встречаемого в международном

праве термина — «террористические преступления» [1, с. 80–89]. Поэтому мы полагаем возможным говорить о *международных террористических преступлениях* или, соглашаясь с Н.А. Чернядьевой, о террористических преступлениях международного характера.

Нуждается в комментарии также использование термина «международный терроризм». Если исходить из понимания российским законодательством терроризма как «идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения» органами власти (международными организациями)⁹, то оснований отказаться от термина «международный терроризм» мы не находим. Если же говорить об ответственности за конкретное проявления международного терроризма, то правильнее говорить о международном террористическом преступлении.

Полагаем не лишним практического значения также вопрос о том, чем является международный терроризм — формой или видом терроризма. Если вид — это большая однородная группа деяний, то форма — это внешнее выражение содержания, заключающееся в совершении конкретного деяния, предусмотренного международным или национальным правовым актом. Считаем, что международный («внешний») терроризм и внутрисударственный («внутренний») терроризм — виды терроризма. Соответственно, в рамках каждого из них можно обнаружить формы терроризма («внешнего» и «внутреннего»).

Классификация международного терроризма. Международный терроризм можно классифицировать по разным основаниям. Среди наиболее встречаемых в литературе классификаций — деление терроризма на этнический и религиозный (нередко объединенные в один общий «сепаратистский» терроризм)¹⁰. Если разновидностей первого из них (этнического) множество («уйгурский», «чеченский», «курдский», «корсиканский» и т.д.), то религиозный терроризм многими исследователями ассоциируется конкретно с «исламским» терроризмом. Основанием для таких ассоциаций является

⁹ О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : (ред. от 26 мая 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ В современной западной криминологии терроризм («насилованный экстремизм») подразделяют на четыре категории: «правый», «левый», «исламский» и тот, который можно назвать однозначным экстремизмом (осуществляемый, например, с целью защиты прав животных и окружающей среды) [12].

⁸ В Москве прошло итоговое заседание Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба. URL: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/v-moskve-proshlo-itogovoe-zasedanie-nacionalnogo.html> ; Патрушев озвучил причину роста террористических угроз на Урале. URL: <https://iz.ru/1140930/2021-03-23/patrushev-ozvuchil-prichinu-rosta-terroristicheskikh-ugroz-na-urale>.

та глобальная угроза, которую представляла ранее «Аль-Каида», а с 2014 г. — «Исламское государство»¹¹. В свою очередь, именно «исламский терроризм», как наиболее опасная тенденция современного мира и долгосрочная угроза для него, ассоциируется с международным терроризмом в целом [13].

Однако по этому поводу высказано и другое, противоположное, политкорректное мнение: «Нельзя, безусловно, согласиться с такой точкой зрения, ведущей к тупиковому, лишенному конструктивности, отношению к миру ислама. Необходимо быть максимально корректным и осторожным при формировании признаков изучаемого явления. Придание религиозной окраски такому сложному и социально-политически более широкому, чем течение в мусульманской вере и идеологии, явлению, как международный терроризм, носит ненаучный характер» [14]. Не согласны с тем, что «современный терроризм строго связан с религиозными доктринами», и отдельные зарубежные криминологи [15–17].

Но от того, что мы не будем говорить и писать, террористы какого толка — идеологического, националистического, «правого» или «левого» — совершают убийства невинных людей, берут их в заложники или призывают убивать «неверных», таких преступлений меньше не станет. Безусловно, как отмечают многие исследователи [1, с. 100–112], наиболее опасной формой современного международного, да и внутригосударственного, терроризма является религиозный, а именно «исламский» (а если быть точным, исламистский) терроризм. Более того, отказ от признания именно этой формы терроризма наиболее опасной затрудняет поиск мер, действительно способных ей противодействовать.

Сказанное не исключает признание в качестве реальной угрозы для общества и других проявлений международного терроризма. В частности, не следует недооценивать «правый» терроризм, опасность которого очевидна прежде всего для внутригосударственных отношений. Однако, учитывая, какими темпами происходит интенсификация контактов между «правыми» из разных государств мира, имеются все основания для выделения «правого» терроризма как еще одной формы международного терроризма.

В государствах Западной Европы и США данная форма терроризма (именуемая нередко

«правым радикализмом» или «правым экстремизмом») признается наиболее опасной наряду с «исламским» терроризмом. Так, согласно докладу Федерального ведомства по охране конституции Германии за 2020 г., в данной стране число предполагаемых сторонников «праворадикальной сцены» увеличилось на 3,8 % и составило 33 тыс. чел. При этом спецслужба ФРГ оценивала почти 40 % из них как склонных к насилию или поддерживающих его¹². В том же году количество тяжких преступлений на почве расизма, антисемитизма и нетерпимости выросло на 18,8 %: убиты 11 чел., еще 13 преступлений было предотвращено. При этом на долю «правых» экстремистов пришлось более 23 тыс. преступлений (на 5,7 % больше по сравнению с 2019 г.). По словам главы МВД, количество преступлений на почве правых политических убеждений «достигло нового рекорда с момента начала подсчета» в 2001 г.¹³ Исходя из этого, в 2020 г. в рамках пакета мер против «правого» экстремизма министерство юстиции ФРГ предложило ввести новую категорию уголовных преступлений, «разжигающих антисемитскую или расистскую травлю», не входящую в рамки разжигания межнациональной розни¹⁴.

В апреле 2021 г., выступая перед конгрессом, президент США Джо Байден назвал главную террористическую угрозу для страны: «Мы не будем игнорировать то, что определили наши собственные разведывательные службы как самую смертельную террористическую угрозу для родины. На сегодняшний день она исходит от терроризма, поддерживающего теорию белого превосходства»¹⁵. По данным Центра стратегических и международных исследований (The Center for Strategic and International

¹² Спецслужба Германии сообщила о росте угрозы правого экстремизма. URL: <https://dw.com/p/3uw4q?maca=rus-gk-volltext-newsstand-home-ru-19091-xml-googlenews>; Госдепартамент: терроризм остается постоянной угрозой во всем мире. URL: <https://www.golosameriki.com/a/us-state-department-terrorism/6358581.html>.

¹³ В ФРГ выросло число преступлений на почве правого и левого экстремизма. URL: <https://ria.ru/20210504/ekstremizm-1731103525.html>.

¹⁴ N-TV: Германия планирует узаконить пакет мер борьбы с расизмом и правым экстремизмом. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-11-26/N-TV-Germaniya-planiruet-uzakonit-paket>.

¹⁵ Remarks as Prepared for Delivery by President Biden — Address to a Joint Session of Congress. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/28/remarks-as-prepared-for-delivery-by-president-biden-address-to-a-joint-session-of-congress>.

Studies, CSIS), количество «внутренних террористических заговоров и атак» в США является самым высоким за последние десятилетия. Отмечается, что «правые» экстремистские атаки и заговоры значительно затмевают атаки и заговоры крайне «левых» сил, а также приводят к большему количеству смертей. Так, с 2015 г. «правые» экстремисты были причастны к 267 заговорам или нападениям, в результате которых погиб 91 чел. В то же время нападения и заговоры, приписываемые сторонникам крайне «левых» взглядов, привели к 66 инцидентам, в результате которых погибло 19 чел. При этом пик числа всех случаев внутреннего терроризма в стране пришелся на 2020 г.¹⁶

Примечателен и такой факт: с 2012 по 2016 г. число «белых» националистов и самопровозглашенных сторонников нацизма в сети «Твиттер» увеличилось более чем на 600 %, опередив ИГИЛ во всем — от количества подписчиков до количества ежедневных твитов¹⁷. Затем последовал еще один «рекорд»: в 2018 г. число «белых» подозреваемых в терроризме, арестованных в Великобритании, впервые за более чем десятилетие превысило число «лиц азиатской внешности»¹⁸. В следующем, 2019-м, году нападения на испаноязычных американцев в Соединенных Штатах и мусульман в Новой Зеландии ознаменовали собой резкое увеличение смертности от террористических атак на расовой и этнической почве, многие из которых были мотивированы превосходством

«белых», ксенофобией и антииммигрантскими убеждениями. В результате таких нападений в Австралии, Северной Америке и Западной Европе было убито не менее 86 чел. по сравнению с 52 чел. в 2018 г. [18].

Проблема представляется актуальной также для России. «Пещерный национализм, лозунг которого «Россия только для русских», только вредит русским, только вредит России и способствует ее раскачке изнутри. А этого мы допустить не должны. Конечно, мы должны обеспечить, чтобы культура каждого народа, его история, истоки каждого народа почитались, развивались и уважались в нашей стране», — говорил в 2021 г. Президент России¹⁹.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сформулировать признаки международного терроризма и внести предложение об установлении в законодательстве отдельного порядка признания его субъекта (террористической организации) в качестве международной. Правом такого признания предложено наделить только Верховный Суд РФ.

Обоснованы предложения о дополнении ФЗ о терроризме (ст. 3) определением понятия «международная террористическая организация», а УК РФ (ч. 2 ст. 205) — квалифицирующим признаком «совершение террористического акта международной террористической организацией».

Справедливо критикуемая в литературе редакция ст. 361 УК РФ [19] нуждается в изменении. Нельзя согласиться с исключением возможности квалификации акта терроризма как международного в случае его совершения на территории России.

Рассмотрев формы терроризма, мы сделали вывод о признании наиболее опасными из них религиозного («исламистского») и расистского/нацистского («правого») терроризма.

¹⁹ Путин счел лозунг «Россия для русских» вредным для страны. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2021/602cea0a9a7947077d8a8070>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму / С.М. Кочои. — Москва: Проспект, 2020. — 200 с.
2. Самович Ю.В. О понятии «международный терроризм» / Ю.В. Самович. — EDN PBXLQD // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 361. — С. 120–123.
3. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве / А.Г. Волеводз. — EDN SBIECB // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2014. — № 2. — С. 3–6.
4. Чернявский А.Г. Дефиниция «международный терроризм» в международном праве / А.Г. Чернявский, С.А. Олейник. — DOI 10.24411/2078-5356-2018-10453. — EDN YSZMXB // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4. — С. 322–327.

5. Маршакова Н.Н. Проблемы определения понятия терроризма в доктринальных и международно-правовых источниках / Н.Н. Маршакова, А.С. Миловидова. — EDN NXMUIN // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 1. — С. 232–240.
6. Латыпов У.Р. К вопросу об определении международного терроризма / У.Р. Латыпов // Советский ежегодник международного права. — 1988. — С. 133–140.
7. Прокофьев Н.В. Многосторонние международные договоры в сфере борьбы с международным терроризмом (проблемы эффективности) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Н.В. Прокофьев. — Москва, 2005. — 188 с.
8. Bergesen A.J. International Terrorism and the World-System / A.J. Bergesen, O. Lizardo // *Sociological Theory*. — 2004. — Vol. 22, № 1. — p. 38–52.
9. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю.М. Антонян. — Москва : Щит-М, 1998. — 306 с.
10. Чернядьева Н.А. Соотношение понятий «терроризм» и «международный терроризм» в международном праве / Н.А. Чернядьева. — DOI 10.37399/2686-9241.2020.4.62-76. — EDN GPWQMM // Правосудие. — 2020. — Т. 2, № 4. — С. 62–76.
11. Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (август 2007 г.) / В.П. Юрченко // Институт Ближнего Востока. — URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/06-09-07b.htm>.
12. Gill P. Bombing Alone: Tracing the Motivations and Antecedent Behaviors of Lone-Actor Terrorists / P. Gill, J. Horgan, P. Deckert // *Journal of Forensic Sciences*. — 2013. — № 59. — P. 425–435.
13. Дробот Г.А. Международный терроризм как объект изучения / Г.А. Дробот. — EDN MUNEVI // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 1. — С. 59–86.
14. Чернядьева Н.А. О понятии «международный терроризм» в отечественной правовой науке / Н.А. Чернядьева. — EDN NWZXOH // Вестник Пермского университета. — 2011. — № 2. — С. 199–208.
15. Balafoutis C. The Age of Lone Wolf Terrorism. By Mark S. Hamm and Ramon Spaaij (New York: Columbia University Press, 2017, pp. 307) / C. Balafoutis // *The British Journal of Criminology*. — 2018. — Vol. 58, iss. 6. — P. 1521–1523.
16. Tutenges S. Street Culture Meets Extremism: How Muslims Involved in Street Life and Crime Oppose Jihadism / S. Tutenges, S. Sandberg. — DOI org/10.1093/bjc/azab117 // *The British Journal of Criminology*. — 2022. — Vol. 62, iss. 6. — P. 1502–1517.
17. Mythen G. «I'm a Muslim, but I'm not a Terrorist»: Victimization, Risky Identities and the Performance of Safety / G. Mythen, S. Walklate, F. Khan. — DOI org/10.1093/bjc/azp032 // *The British Journal of Criminology*. — 2009. — Vol. 49, iss. 6. — P. 736–754.
18. LaFree G. Editor's Introduction: Terrorism and Violent Extremism / G. LaFree, F. Weerman, C. Bijleveld. — DOI org/10.1007/s10940-020-09475-5 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2020. — № 36. — 399–405.
19. Кибальник А.Г. Акт международного терроризма — новое преступление против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, В.А. Суворов. — EDN XGTAXX // Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 37–42.

REFERENCES

1. Kochoi S.M. *Anti-extremism Norms: Legal Grounds for Counteracting Terrorism*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 200 p.
2. Samovich Yu.V. On «International Terrorism» Notion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2012, no. 361, pp. 120–123. (In Russian). EDN: PBXLQD.
3. Volevodz A.G. Criminalization of International Terrorism in Criminal Law. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2014, no. 2, pp. 3–6. (In Russian). EDN: SBIECB.
4. Chernyavskii A.G., Oleinik S.A. The Definition of «International Terrorism» in International Law. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 322–327. (In Russian). EDN: YSZMXB. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10453.
5. Marshakova N.N., Milovidova A.S. The Problems of Definition of the Notion «Terrorism» in Doctrinal and International-Law Sources. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 1, pp. 232–240. (In Russian). EDN: NXMUIN.
6. Latypov U.R. To the Question of Defining International Terrorism. *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava = Soviet Yearbook of International Law*, 1988, pp. 133–140. (In Russian).
7. Prokof'ev N.V. *Multilateral International Agreements on Fighting International Terrorism (Problems of Effectiveness)*. Cand. Diss. Moscow, 2005. 188 p.
8. Bergesen A.J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System. *Sociological Theory*, 2004, vol. 22, no. 1, pp. 38–52.
9. Antonyan Yu.M. *Terrorism. Criminological and Criminal Law Study*. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 306 p.
10. Chernyad'eva N.A. Correlation of the Concepts of «Terrorism» and «International Terrorism» in International Law. *Pravosudie = Justice*, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 62–76. (In Russian). EDN: GPWQMM. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.4.62-76.
11. Yurchenko V.P. Military and Political Situation in Iraq (August 2007). *Institut Blizhnego Vostoka = The Institute of the Middle East*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/06-09-07b.htm>. (In Russian).
12. Gill P., Horgan J., Deckert P. Bombing Alone: Tracing the Motivations and Antecedent Behaviors of Lone-Actor Terrorists. *Journal of Forensic Sciences*, 2013, no. 59, pp. 425–435.
13. Drobot G.A. International Terrorism as an Object of Research. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2008, no. 1, pp. 59–86. (In Russian). EDN: MUNEVI.
14. Chernyad'eva N.A. The Definition of «International Terrorism» in Domestic Legal Science. *Vestnik Permskogo universiteta = Perm University Herald*, 2011, no. 2, pp. 199–208. (In Russian). EDN: NWZXOH.
15. Balafoutis C. The Age of Lone Wolf Terrorism. By Mark S. Hamm and Ramon Spaaij (New York: Columbia University Press, 2017, pp. 307). *The British Journal of Criminology*, 2018, vol. 58, iss. 6, pp. 1521–1523.
16. Tutenges S., Sandberg S. Street Culture Meets Extremism: How Muslims Involved in Street Life and Crime Oppose Jihadism. *The British Journal of Criminology*, 2022, vol. 62, iss. 6, pp. 1502–1517. DOI: org/10.1093/bjc/azab117.

17. Mythen G., Walklate S., Khan F. «I'm a Muslim, but I'm not a Terrorist»: Victimization, Risky Identities and the Performance of Safety. *The British Journal of Criminology*, 2009, vol. 49, iss. 6, pp 736–754. DOI: org/10.1093/bjc/azp032.

18. LaFree G., Weerman F., Bijleveld C. Editor's Introduction: Terrorism and Violent Extremism. *Journal of Quantitative Criminology*, 2020, no. 36, pp. 399–405. DOI: org/10.1007/s10940-020-09475-5.

19. Kibal'nik A.G., Suvorov V.A. An Act of International Terrorism — New Crime Against Peace and Safety of Mankind. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 6, pp. 37–42. (In Russian). EDN: XGTAXX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кочои Самвел Мамадович — профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник юстиции России, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

Кочои Рон Самвелович — аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация; e-mail: ron_kochoi@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кочои С.М. Международный терроризм: признаки и формы / С.М. Кочои, Р.С. Кочои. — DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).81-89. — EDN DXIVYM // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 81–89.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kochoi, Samvel M. — Professor, Chair of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Russian Higher Education, Honorary Worker of Russian Justice, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

Kochoi, Ron S. — Ph.D. Student, Chair of Criminology and Penitentiary Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation; e-mail: ron_kochoi@mail.ru.

FOR CITATION

Kochoi S.M., Kochoi R.S. International Terrorism: Attributes and Forms. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 81–89. (In Russian). EDN: DXIVYM. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).81-89.